

Б. И. Каринбаев

МОРАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ КООРДИНАТЫ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

Мораль и право относятся к таким социокультурным феноменам, которые считаются базисными, основополагающими. Динамизм современной эпохи находит свое отражение, прежде всего, в базисных институтах общества. Поэтому современная эпоха – это эпоха трагических моральных коллизий и правовых парадоксов. Все эти коллизии и проблемы привели к ситуации, когда представления о моральных и правовых нормах оказались отягощены грузом самых неоднозначных коннотаций, детерминированных явными и глубинными, латентными метафизическими, идеологическими и политическими факторами.

Интерпретации морали и права, как правило, отличаются или узкими отождествлениями или наоборот чрезмерной широтой применяемых абстракций. Моральные и правовые нормы подвергаются яростным нападкам, отрицанию или, наоборот, чрезмерной фетишизации. И, наконец, извечная проблема – это проблема их соотношения. В зависимости от социокультурного контекста парадигмальных особенностей это соотношение отличается или их противопоставлением, или более сложными формами взаимодействия и анализа этой проблемы.

Однако в любом варианте эта проблема остается открытой, требующей от исследователей, философов, правоведов постоянных усилий. Встать над этими спорами, преодолеть исторические и групповые предрассудки, проявить абсолютную объективность – этот познавательный императив в исследовании морали и права пытались реализовать не одно поколение исследователей.

Однако мы с сожалением можем констатировать, что социальная и экзистенциальная значимость рассматриваемых феноменов чаще всего оказывалась сильнее объективистских интенций. Тезис, что бытие определяет сознание, оказывается верным и в этом случае, если бытие не отождествлять только с материальным миром. Как правило, после такой историко-методологической рефлексии большинство авторов заявляют о своих методологических преимуществах, обеспечивающих им необходимый объективистский иммунитет, однако с тем, чтобы повторить в том или ином варианте ошибки предшественников.

Мы надеемся избежать такого конфуза, и считаем, что его можно избежать, последовательно отвергая эссенциалистские притязания. Отвергая эссенциалистские методы, мы предлагаем подход, сочетающий структурный

анализ с анализом историческим – конкретных вариаций морали и права и также их соотношения. Предлагаемый способ анализа не претендует на выявление последней сущности неизменного субстрата, а ориентирован на выявление в исторических феноменах определенных инвариантов.

Структурный подход к анализу морали и права, их соотношению, мы понимаем как попытку нахождения и вычленения инвариантных свойств, способ очерчивания рамок бесчисленной массы неоднозначных конкретно-исторических представлений о морали и праве. Это способ нахождения регулярностей в интенциях и действиях, определяемых нередко случайными и ситуативными факторами. Однако современный структурный анализ должен быть не только способом нахождения формальных матриц, но должен быть способным к учету исторических особенностей, иметь развитую чувствительность к нюансам, деталям, обладать позитивным отношением к случайностям. Структурный анализ моральных импликаций и правовых норм имеет свою историю.

Впервые наиболее последовательно и в эмпирическом отношении очень плодотворно этот подход применил Э. Дюркгейм. Естественно, он опирался на другую терминологию, но его теоретические и методологические интенции в вышеназванном варианте прослеживаются очень четко. Для Дюркгейма нравственность, право, прежде всего, представляются не как конкретно-содержательные феномены, а как формальные структуры, то есть инвариантные условия социального бытия.

Нравственность, коллективное сознание – это несущие конструкции социальной реальности. Роль нравственности как первичного, необходимого и инвариантного условия социальной жизни Дюркгейм подчеркивает следующим тезисом: "Существование любой группы предполагает наличие нравственных правил" [1, с.30]. Этот тезис свободен от узости конкретно-исторических отождествлений и морализаторских оценок.

Мы также принимаем реализм Э. Дюркгейма, как в отношении общества в целом, так и в отношении нравственности и правовых отношений. Реализм не только отдельных индивидов, но и социальных феноменов, не сводимых к индивидуально-материализованным формам, подтверждается их такой же принудительностью, какой обладают физические феномены.

Если в отношении морали как инвариантного атрибута социальности возражения затруднительны, то в отношении права они даже неизбежны. В этом вопросе мы присоединяемся, избегая бессмысленных исторических экскурсов, к тем авторам, которые считают право обязательным атрибутом современного общества. Так, по мнению Т. Парсонса, в отличие от досовременных обществ, где "законодательство как дифференцированная функция почти не существует", в современных обществах "легитимизация постоянно осуществляемой законодательной функции... представляет собой отличительный признак современного развития" [2, с.34].

Выявление моральных и правовых инвариантов является важной, но отнюдь не самодостаточной задачей. Морально-правовые инварианты должны быть конкретизированы с точки зрения уровней дифференциации и синкретизма, ригидности и толерантности, выявления конкретных факторов и последствий аномии, правового нигилизма или фетишизации.

Конкретизация формальных абстракций возможна на основе таких переменных, как историческая эпоха и социокультурная система. Именно эти переменные позволяют объяснить массу опосредований, в которые вовлечены моральные и правовые нормы. Вместе с тем структурный подход позволяет и в рамках конкретных исторических и социокультурных контекстов выявлять не только уникально-специфические вариации морально-правовых норм, но и более широкие и устойчивые конфигурации. Так, например, моральные и правовые нормы отличаются совпадениями в рамках сообществ, которые мы обобщенно называем традиционными и индустриальными. Эти совпадения имеют место, несмотря на все национальные или другие региональные особенности. При всей специфике средневекового западноевропейского или китайского общества, а также современного японского или американского обществ они имеют общие структурные черты, характерные как для традиционных средневековых обществ, так и для современных индустриальных систем.

Структурные аспекты позволяют выявить и устойчивые различия между традиционными и индустриальными нормами как в сфере морали, так и в сфере права. И, наконец, неизбежные и неустранимые коллизии между моральным и правовым, между приватным, межличностным и формально-универсальным, также зависят от структурных особенностей социокультурной традиции.

Мораль и право, будучи инвариантными, как

функциональные явления, вариативны как конкретные социокультурные и исторические явления. Их вариативность обусловлена, прежде всего, глубинными или трансцендентными, по отношению к миру повседневности, ценностями и символами. Имея в той или иной степени трансцендентный статус по отношению к повседневным, утилитарным значениям, представлениям, базисные социокультурные ценности и символы не могут быть произвольно скоррелированы на основе рационально-эмпирических процедур. Но благодаря своему трансцендентному, а, значит, привилегированному статусу они предопределяют исходные представления и ориентации определенных сообществ, которые принято называть цивилизациями, культурами или социумами.

Если обратиться к концепции Ф. Фукуямы, то в правовом аспекте мы должны наблюдать торжество формального права, если не в виде укорененных институциональных норм, то, по крайней мере, культурно-оправданных ориентиров [3]. Однако реальность на эмпирическом уровне не дает повода для такой эйфории. Право в современном формализованном варианте не только не укореняется как эффективная институциональная система, но и, можно сказать, вызывает резко отрицательную реакцию во многих социокультурных системах.

Проблемы укоренения формальной правовой системы, формирования эффективной жизнеспособной системы в рамках незападных культур, и в частности, в постсоветских обществах имеет еще один аспект. Этот аспект связан не только с резко отрицательным отношением к современному праву, но и с эйфорией от его возможностей, фетишизацией права. Тем, кто так охвачен неопитским пылом в отношении новой панацеи, можно привести предостережения Ю. Хабермаса, подчеркивающего, что современное государство тоже представляет собой такую политическую форму жизни, которая не растворяется полностью в абстрактной форме институционализации всеобщих принципов права. По мнению Хабермаса, которого трудно заподозрить в правовом нигилизме, форма жизни образует специфический политико-культурный контекст, в рамки которого должны быть вписаны формальные нормы права. Хабермас недвусмысленно подчеркивает иерархию феноменов в социокультурной жизни и предостерегает от абсолютизации формальных норм права [4, с.85].

Господство фетишистских установок, как правило, деформирует чувство границы, чувство меры. Из-за конфронтационной, слишком ангажированной ситуации в

отношении права, мы видим две доминирующие тенденции – одна со знаком минус, другая не только со знаком плюс, но можно сказать с тремя восклицательными знаками. И то, и другое не способствует конкретному философскому анализу условий и механизмов, способных, если говорить словами П. Рикера, сформировать "этико-юридическую вменяемость". Причем не узкой группы интеллектуалов, а основной массы общества.

Сложная проблема требует и сложного, многомерного анализа. Рефлексия по поводу этико-юридических проблем не должна опираться на привычные дихотомии. Она должна включать в себя как традиционные системы анализа, так и последние достижения социогуманитарной мысли (структуралистский анализ знаков, мифов, герменевтический анализ правовых текстов).

Вместе с тем, на наш взгляд, остается достаточно когнитивно-продуктивным (эвристичным) традиционный исторический анализ. Естественно, не примитивно-хронологический, а как исторический подход к структурным элементам социокультурной системы. Без выявления исторических предпосылок невозможно объяснить порой полностью противоположные друг другу морально-правовые традиции. Социокультурная система, где оказались укорененными правовые идеи и нормы, достигла высокого уровня, массовая этико-юридическая вменяемость отличается позитивным для права культурно-политическим климатом. Господствующие моральные импликации, базисные ценности и символы задают здесь "нормативный горизонт", ориентирующий не только элиту, но и массы на благожелательное отношение к праву.

Право в таком культурном контексте – не зло, не вынужденное допущение, а благо. Это хорошо прослеживается в высказывании А. Токвиля: "Самым прекрасным понятием после понятия о добродетели является понятие о правах. Точнее говоря, оба эти понятия соприкасаются – права – это не что иное, как добродетели, перенесенные на политическую жизнь" [5, с.188]. Идея, что право – это благо, что это добродетель в политической ипостаси, резко дисгармонирует с отношением к праву в социокультурных системах традиционного или полутрадиционного типа.

Особенно богата антиправовыми идеями, апологией внеправового социального порядка русская философия. Для этой философской традиции характерно отношение к праву как к вынужденному злу, как к репрессивно-запретительному явлению, явлению, которое оказалось негативным, незаконным, антифеноменом

нравственности. Право здесь лишь внешняя правда, появившаяся из-за искажений внутренней правды. Возврат к этой моральной сущности внутренней правды, преодоление негативного, временного состояния, "вексельной честности" есть главная историческая задача традиционалистов. На аргументы в пользу права Аксаков отвечает: "Однако нам скажут – или народ, или власть могут изменить друг другу. Гарантия нужна! Гарантия не нужна! Гарантия – есть зло. Где нужна она, там нет добра, и пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет добра, чем стоять с помощью зла" [6, с.113]. Даже такой западник как Герцен разделяет иллюзии о возможности неправового социального порядка, основанного исключительно на моральных принципах. Оценивая современное правовое состояние России как тяжелое и печальное, он считает, что для будущего – это огромное преимущество.

Общая культурная традиция, доминирование слабодифференцированных общинных идеалов сказывается и на позиции Н.А. Бердяева. Хотя он неоднократно критиковал российское общество из-за слабой дифференцированности. Для него право – это вынужденное зло, искажающее моральный порядок, основанный на человеческом доверии. "Всякий правовой строй есть узаконенное недоверие человека к человеку, вечное опасение, вечное ожидание удара из-за угла. Государственно-правовое сосуществование есть существование враждующих" [7, с.481].

Можно сказать, что эта традиция жива, и современные русские традиционалисты продолжают линию правового нигилизма. По мнению А. Солженицына, "общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека" [8, с.101]. Традиции смешения морали и права "блистательно" демонстрирует В. Распутин, заявляя, что "право имеет смысл, когда оно работает во имя души, достоинства, культурного и нравственного облика народа" [9, с.3].

Примеры можно множить до бесконечности. Но и приведенные программные высказывания представителей различных культур, на наш взгляд, достаточно репрезентативны. Они служат доказательством влияния культурных установок на процесс институционализации права, соотношения моральных норм с правовой системой. Противопоставление морали и права остается проблемой и в наше время, особенно в развивающихся странах.

Отсюда можно сделать вывод, что хотя противоречия моральных и правовых норм имеют место во всех обществах, и будут иметь место и в будущем, наиболее остро эта

проблема стоит перед теми сообществами, которые испытывают большие трудности с усвоением и укоренением формального права. В таких условиях обостряется извечная проблема способов регуляции социокультурной жизни человека, противопоставления моральных и правовых норм как противоположных и даже взаимоисключающих.

Эти противопоставления в принципе не содержат ничего нового. Они основаны на следующем тезисе: моральные нормы это органичные, жизненные и более тонкие способы регуляции человеческого поведения. Также подчеркивается большая способность обеспечить сплоченность людей. Право же (конечно, прежде всего, имеется в виду современное право) наоборот представляется как бездушное, негуманное, функциональное образование, как результат искаженности человеческих отношений и природы современного человека в целом.

Действительно, реально существующие отличия во многих сообществах приобретают характер абсолютных антагонистов, облачаются в мифические термины и уже не поддаются рационально-эмпирическому анализу. Мифологемы, связанные с апологией моральных способов регуляции и, наоборот, с негативным отношением к формальному праву, не теряют своей убедительности не только для масс, но и для большинства интеллектуалов развивающихся стран. Регулярно в легитимацию таких мифологем вносят свой вклад и западные интеллектуалы, уставшие от формализованности социокультурных регуляторов. Те, кто принял миф, связанный с преимуществом моральных регуляторов и пониманием права как зла (само это зло может трактоваться как абсолютное или необходимое и допустимое) не нуждаются в объективном подходе к данной проблеме. Вернее сказать, они не нуждаются потому, что не способны к такой объективности, не способны подвергнуть критической рефлексии свои исходные положения и принципы.

Особо удивляться такому положению дел не приходится, так как Т. Кун достаточно теоретически убедительно и эмпирически корректно выявил догматические аспекты в сфере, которая считается идеалом объективности – науке. Кун считает, что если уж люди науки не способны достичь полной объективности и рефлексивной ясности по поводу своих интересов даже в чисто теоретических, фактически полностью не связанных с реалиями практической жизни умозаключениях, то ожидать расцвета объективности в сферах, имеющих жизненно важное значение, было бы довольно наивным [10].

Определение дихотомии мораль – право как мифа не означает, что она ложная и не содержит в себе объективно истинных моментов. Как и любой жизненный феномен, этот миф, пусть и путем абсолютизации ряда альтернатив, включает в себя несколько если не истин, то хотя бы реальных проблем, проблем, которые не удастся преодолеть сведением их к одному способу решения.

Следует признать, что тоска (и основанная на ней апология) по моральному порядку, избавленному от формально-репрессивных институтов или хотя бы от их господства, содержит в себе не только утопию, но и достаточно эффективную критику гипертрофированной реализации гоббсовского Левиафана. Апелляция к повышению значения моральных императивов, опора на них способствуют постоянному вниманию к данным сферам человеческой жизни, не позволяя отдать все регуляции формальным механизмам. При этом, естественно, происходит, особенно в обществах с сильными фундаменталистскими традициями, абсолютизация последствий такого порядка. Этой абсолютизации служат и соответственно препарированная история, постоянное противопоставление бездушному, механизированному машиноподобному Западу.

Безусловно, моральный порядок содержит в себе более гуманные, теплые и личностные черты, то, что не могут учесть формальные политико-правовые механизмы. Представления о праве как формально-функциональной машине, механизме обезличивания, также имеют, несомненно, свои основания, и это следует признать. При этом, однако, не следует вместе с водой из ванны выплескивать и ребенка. Кроме противопоставления обезличенному формальному праву гуманных моральных норм, необходимо учитывать и то, что современная мораль является по необходимости дифференцированной и моральный порядок тех, кто выступает против формального права, есть идеализированный и уже нигде нереализуемый порядок. Фактически мифологемы морализаторов носят поверхностный характер и протекают как постоянно повторяющийся набор истерических выпадов против тех сообществ и тенденций, которые являются воплощением формализма и функционализма.

Не противопоставляя морализаторство правовому фетишизму, нам следует искать возможность позитивного, а не вульгарно-отрицательного решения проблемы. Мы должны признать, что бесконечные морализаторские сентенции и призывы давно утратили свою убедительность и влияние. Они не способствовали формированию гуманного

порядка и более совершенной антропологии. Итог противопоставлений логики антитезы в ставшей традицией антиправовой направленности общественного сознания, в массовом закреплении дихотомии правды жизни и формального права, в укреплении правового нигилизма. За моралистической риторикой десятилетиями существовал самый аморальный порядок, где были само собой разумеющиеся жестокость, миллионы безвинных жертв, доносы и прочие "нравственные" и "моральные" достижения. Морализаторы традиционалистского направления, однако, как мы уже отмечали, умеют выстраивать свою аргументацию, при этом с опорой на историю, имея к тому же особо развитый иммунитет против неудобных фактов.

Мифологемы, используемые при противопоставлении морали и права, органичного, естественного состояния и формализовано функционального порядка – есть грубая фальсификация как морали, так и права. Такие противопоставления прикрывают неспособность к сочетанию моральных традиций с новыми социальными механизмами, которые призваны обеспечить эффективную регуляцию современных отношений. Только сочетание, а не противопоставление способно обеспечить адекватный ответ на усложнение и динамизм современного мира.

Конечно, нельзя просто так преодолеть вековые дихотомии. За ними стоят традиции, целые философские школы и историческая практика. Данная традиция привела к простым противопоставлениям и дихотомиям. В терминах этой традиции формальное право отождествлялось с искажениями человеческой природы, вызванными модернизацией. Искусственное, формальное, обезличенное право уродует человеческие отношения. При самых поверхностных подходах традиционалистского плана мы видим примитивное отрицание, совокупность простых тезисов: отвергнем право, возродим традицию и мораль, вернемся к блаженному состоянию, предшествовавшему происхождению человечества в целом.

В более сложных антиправовых концепциях и мифологиях мы видим более утонченные и глубокие формы анализа и отрицания. Они постулируют, что социальный порядок, основанный на формально-рациональных критериях и регулятивах, приводит к всеобщему отчуждению человека, обезличивает индивидуальную неповторимость каждой личности, нивелирует самобытность культур.

Мифологичность данных утверждений можно доказать хорошо известными историческими фактами. Так, проблема отчуждения не

является только порождением формально-рациональных институтов. После выхода человека из естественного состояния, когда он был вовлечен в закономерности развития, он в той или иной степени оказывался в состоянии отчуждения. Хронологические рамки феномена человеческого отчуждения несравненно шире, чем рамки индустриальной эпохи.

Отождествление феномена отчуждения с индустриальными отношениями есть крайний и соответственно нерелективный вариант редуционизма. Популярность идеи отчуждения во многом вызвана тем, что именно в индустриальную эпоху возникли теории, артикулировавшие проблему отчуждения. Массовое распространение, тиражирование этих теорий привели к формированию устойчивых представлений и некритическим отождествлениям феномена отчуждения с индустриальными институтами, в том числе, и правовыми.

Из всего этого можно сделать вывод, что в обществах, где доминирует миф о необходимости и возможности чисто морального порядка, отношение к праву сводится если не как к абсолютному, то, по крайней мере, как к неизбежному и относительному злу. Мы наблюдаем неспособность преодолеть узкие традиционные отождествления, трансформировать доиндустриальный синкретический порядок. В этих условиях миф противопоставляет искомый моральный порядок юридическому, что является фактически рационализацией своего бессилия, неспособности адаптироваться к требованиям современности.

1 Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда.* – М.: Наука, 1991. – 431 с.

2 Парсонс Т. *Система современных обществ.* – М.: Аспект-пресс, 1998. – 270 с.

3 Фукуяма Ф. *Конец истории?* // *Вопросы философии.* – 1990. – № 3. – С. 134-147.

4 Хабермас Ю. *Демократия. Разум. Нравственность.* – М.: Изд. центр «ACADEMIA», 1995. – 244 с.

5 Токвиль А. *Демократия в Америке.* – М.: Прогресс-Литера, 1994. – 554 с.

6 Кистяковский Б.А. *В защиту прав* // *Вехи.* – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 6-120.

7 Бердяев Н.А. *Смысл творчества* // *Философия свободы. Смысл творчества.* – М.: Правда, 1989. – 607 с.

8 Солженицын А.И. *Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета 8 июля 1978 г.* // *Родина.* – 1991. – № 9-10. – С. 101-105.

9 Распутин В. *Левая, правая где сторона?* // *Советская культура.* – 1989. – 27 мая.

10 Кун Т. *Структура научных революций.* – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

* * *

Мақалада қазіргі замандағы моралдық және құқықтық нормалардың қатынасы мәселелері қарастырылады.

* * *

В данной статье анализируется проблема соотношения моральных и правовых норм в современную эпоху.

А. Жолдубаева

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Какой должна быть вузовская подготовка специалистов, чтобы обеспечить им возможность реализовывать свой личностный и профессиональный потенциал, одновременно удовлетворяя потребности общества? Мы видим решение этого вопроса в двух плоскостях:

- определение требований к будущему специалисту со стороны самой личности, отдельных хозяйственных субъектов, государства и общества;
- выбор образовательных технологий, соответствующих этим требованиям.

Система высшего образования развивается в настоящее время в контексте рыночных преобразований, поэтому становится возможным и необходимым применять к ее функционированию некоторые экономические категории, такие как: рынок, товар, спрос, предложение, конкуренция, конкурентоспособность, маркетинг.

Рассмотрим взаимосвязь этих понятий применительно к главному результату деятельности вузов – выпускнику, будущему специалисту.

Среди разнообразных потребностей рыночной экономики общество интересуется, прежде всего, потребностью в интеллектуальном, культурном, физическом и нравственном развитии и самореализации личности, а также потребности отдельных предприятий и организаций в высококвалифицированной рабочей силе, в накоплении и использовании научно-технического и культурного потенциала.

Вузы как раз и предназначены для удовлетворения этих потребностей. Уровень удовлетворения потребностей отдельными вузами зависит от истории и времени их создания, от качества материально-технической, научной, информационно-методической базы и преподавательского потенциала. Каждый наш вуз в силу отмеченных выше особенностей вступил в систему рыночных отношений с разным стартовым капиталом и вынужден как бы заново подтверждать целесообразность

своего существования.

Применительно к деятельности вузов следует отметить, что в отличие от высокой степени монополизма в промышленности монополизм в системе высшего образования в нашей стране гораздо ниже. Это определяется тем, что число вузов как производителей образовательных услуг, учебно-методической и научно-технической продукции достаточно велико. В этой связи вузы вынуждены вести конкурентную борьбу за своих потребителей, в лице которых выступают абитуриенты (студенты).

Таким образом, в отношении деятельности по подготовке специалистов мы в большей степени имеем дело с рынком, характеризуемым превышением предложения над спросом. Здесь в значительной степени условия диктуют «покупатели», т.е. абитуриенты и студенты, усиливая свое влияние на качество образовательных услуг и, в конечном итоге, на весь потенциал вузов. Поэтому вузы вынуждены соперничать как между собой за абитуриентов, денежные средства, материально-технические и информационные ресурсы и научно-педагогических работников, так и с другими учебными заведениями, что заставляет их чутко реагировать на спрос и быстро адаптироваться к изменениям конъюнктуры.

Если абитуриенты и студенты выступают в качестве потребителей (покупателей) образовательных услуг, то выпускники вузов представляют собой продавцов знаний и профессиональных навыков, которые вынуждены на рынке труда конкурировать за рабочие места. В настоящее время на рынке труда будет иметь место превышение предложения над спросом. Здесь в качестве покупателей выступают работодатели (предприятия и организации). Они, как и студенты, оказывают мощное влияние на политику вузов – производителей образовательных услуг.

В борьбе за выживание отечественные вузы вынуждены начать применять маркетинг как эффективное средство, успешно испытанное в